

А. А. Фомин

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОНОМАСТИКА В РОССИИ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

The article investigates the history of the elaboration of Russian literary (or poetic) onomastics and the prerequisites of its appearance. There are also discussed both the modern situation in the given scientific branch and the perspectives of its further development.

Вероятно, возникновение и развитие любой науки обусловлено наличием предпосылок такого развития. Это в полной мере можно отнести и к науке, которая появилась буквально на наших глазах и даже не получила пока общепринятого и устоявшегося названия. Речь идет о литературной ономастике, или, как еще ее называют, поэтической ономастике, или литературно-художественной ономастике, или поэтике онима, или имнологии – этот ряд наименований одной и той же дисциплины можно было бы и продолжить. Обычно под этими разными названиями имеют в виду науку, занимающуюся изучением собственных имен в произведениях художественной литературы.

Когда речь заходит о предпосылках развития той или иной научной отрасли, следует различать предпосылки внутринаучные, связанные с состоянием самой науки как инструмента познания на определенный момент времени, и экстранаучные, выходящие за пределы собственно научной парадигмы и связанные с состоянием объектов, подвергаемых изучению, и общества, осуществляющего познание. В отношении лингвистической дисциплины, каковой по своему статусу является литературная ономастика, при всем ее комплексном характере и богатстве междисциплинарных связей, это предполагает разграничение интра- и экстралингвистических предпосылок. Экстранаучной предпосылкой возникновения литературной ономастики является достижение литературой, предоставляющей материал, на базе которого происходит исследование собственных имен, необходимого уровня развития. Далее, для возникновения науки, изучающей ономастику художественного текста, абсолютно необходимо четкое осознание участниками литературной коммуникации (автором текста и его читателями) художественно-эстетического потенциала собственного имени, включенности онима в общую парадигму изобразительных средств произведения. Иными словами, необходимо, что-

бы имя собственное получило статус художественного приема, войдя в арсенал художественной поэтики. Без этого возникновение науки о поэтике онамастики вряд ли возможно.

Трудно сказать с полной определенностью, когда у литературного онамастика появился этот статус. Во всяком случае, уже в античной литературе собственные имена играют важную роль, решая не только собственно лингвистические задачи, но и выполняя ряд художественных функций, присущих и современной нам литературной онамистике. Сошлюсь на Горация, чье обостренное внимание к проблемам поэтической формы хорошо известно. Для него собственное имя является важнейшим изобразительным средством, часто указывающим на существенную черту номинируемого объекта, характеризующим его. Например, упоминая в своей сатире (I, 6) вольноотпущенника, стремящегося к общественно-политической карьере, он присваивает ему имя *Новий* (*Novius*), образованное от латинского прилагательного *novus* ‘новый’; *homo novus*’ом во времена Горация называли (часто с отрицательной оценкой) выходца из семьи, где до него никто не занимал высоких должностей. Вполне адекватным смысловым переводом было бы русское слово *выскочка*. Единственным достоинством Новия оказывается в сатире Горация сильный и громкий голос, благодаря которому он может перекричать любого на форуме.

– Tunc, Syri, Damae aut Dionysi filius, audes
Deicere de saxo cives aut tradere Cadmo?
– At Novius collega gradu post me sedet uno:
Namque est ille pater quod erat meus. – Hoc tibi Paulus
Et Messalla videris? At hic, si plostra ducenta
Concurrantque foro tria funera, magna sonabit
Cornua quod vincatque tubas: saltem tenet hoc nos.

Привожу данный фрагмент в прозаическом подстрочном переводе:

– Неужели ты, сын Сира, Дамы или Дионисия, осмеливаешься сбрасывать со скалы или передавать Кадму граждан? – Но коллега Новий на одну ступень ниже меня: ведь он то, чем был мой отец. – Поэтому тебе кажется, что ты Павл и Мессалла? Но он, если двести повозок и три похоронных процессии сойдутся на форуме, прокричит так, что перекроет громкие рога и трубы: он по крайней мере этим занимает нас.

Смысл этого насыщенного собственными именами отрывка в общем контексте данной сатиры достаточно ясен: Гораций не видит в честолюбии, влекущем человека к высоким постам, никакой пользы, особенно если честолюбец низкого происхождения. Слава порождает завистников, зависть – злословие, а оно опасно в первую очередь для людей незнатных, не имеющих за своей спиной заслуг многих поколений предков. В качестве иллюстрации к этим рассуждениям и появляется данный эпизод.

Имя *Новий*, присвоенное вольноотпущеннику-выскочке, вероятно, создано Горацием искусственно (во всяком случае, так полагают комментаторы его сочинений). Остальные имена взяты из реального антропонимикона той эпохи. Имена *Cyp* (*Syrus*), *Дама* (*Dama*), *Дионисий* (*Dionysius*) – типичные имена рабов, причем по крайней мере два из них указывают на этническую принадлежность раба: *Syrus* буквально означает ‘сириец’, а имя *Dionysius*, связанное с культом древнегреческого бога Диониса, достаточно широко было распространено на территориях, заселенных древними греками. Два упомянутых латинских имени (*Paulus* и *Messalla*) приводятся не только для противопоставления исконных имен чужеземным, реализуя оппозицию *свое* – *чужое* с за-

данными аксиологическими параметрами, но и формируют две другие оппозиции, значимые для выражения авторской идеи. Это оппозиции *знатный – низкий по происхождению* и *выдвинувшийся по заслугам – выскочка, возвысившийся незаслуженно*. Под Мессаллой имеется в виду Марк Валерий Мессалла Корвин – римский государственный деятель, оратор и писатель, консул в 31 г. до н. э., покровитель кружка поэтов, в который входил Тибулл. Мессалла происходил из патрицианского рода Валериев, известного своей древностью и заслугами. Гораций с уважением упоминает Мессаллу также в 21-й оде из книги третьей од и в «Послании к Пизонам». Кто имеется в виду под именем Павл, сказать трудно; однако известно, что когномен *Paulus* принадлежал представителям некоторых знатных родов (этим когноменом, например, именовалась ветвь патрицианского рода Эмилиев).

Таким образом, при использовании собственных имен Горацием даже в пределах приведенного отрывка обнаруживается целый арсенал приемов. Это конструирование окказионального собственного имени *Novius* с прозрачной внутренней формой для характеристики упоминаемого персонажа. Это также использование имен с четкой социальной привязкой, социальным «ореолом», применяющимся для создания и характеристики образа. Введение в текст собственного имени реального лица служит для создания хронотопического эффекта достоверной, приближенной к читателю современности описываемых событий (той же цели, видимо, служит упоминание имени палача Кадма, но об этом можно только догадываться, так как более подробных сведений об этой фигуре до нас не дошло). Составление синтагматически сопряженных рядов онимов, обладающих общим признаком (*Сир, Дама, Дионисий*, с одной стороны, и *Павл, Мессалла* – с другой), приводит к формированию на их основе текстовой ономастической оппозиции по существенным для автора концептуальным признакам; такая оппозиция необходима для создания антитезы образов, которая конструирует композицию данного фрагмента. Наконец, в использовании имен *Павл* и *Мессалла* можно видеть антономазию¹. Для каждого из перечисленных приемов мы легко обнаружим аналог в произведениях русской литературы.

Итак, уже античная литература предоставляла тот материал, на основе которого в принципе было возможно возникновение специальной науки о собственных именах в художественном тексте.

Намного позднее сформировались интралингвистические предпосылки развития литературной ономастики. По сути дела, лишь в прошлом веке лингвистика в достаточной мере апробировала ряд важнейших идей, легших в основание новой дисциплины. Это прежде всего представления о системности языка и знаковом характере слова, и в частности имени собственного, предполагающие выделение в нем плана выражения и плана содержания, означающего и означаемого. При изучении знака в его художественной ипостаси, когда эстетическая установка произведения активизирует оба плана знака, это особенно важно. Существенную роль в понимании того, как функционирует оним в тексте, сыграло четкое разграничение языка и речи, так как именно в речевой коммуникации собственное имя реализует свой богатый и разнообразный семантический

¹ Н. В. Подольская определяет этот прием как «метафорическое применение ИС [имени собственного] для обозначения лица, наделенного свойствами широко известного по литературе или истории носителя этого имени» [Подольская, 1988, 31].

кий потенциал. Несомненно также, что новая дисциплина могла сложиться только в тот момент, когда лингвистика сместила общий вектор своих интересов с языковой системы, где ономастика поневоле занимает достаточно скромное место, на речь, где имя в силу своей лингвистической природы становится эффективнейшим инструментом порождения и конденсации разнообразных смыслов. Когда выработанные в рамках структурализма строгие научные методы были перенесены на исследование речевых феноменов, это послужило одной из важнейших предпосылок становления и развития литературной ономастики.

Не менее продуктивным оказалось внедрение структурных методов в литературоведческую науку, осуществленное русской формальной школой в 20-е гг. прошлого века, и творческое развитие и переосмысление их московско-тартуской семиотической школой в 60–70-е гг. Литературная ономастика, будучи принципиально комплексной, пограничной наукой, могла быть разработана в полной мере только тогда, когда были накоплены необходимые знания и теоретические обобщения не только в области лингвистики, но и литературоведения, а также логики, семиотики и герменевтики, на чьи достижения она опиралась и опирается в своем развитии.

В русской литературе объектом рефлексии собственные имена как особый лексический разряд впервые стали в художественной практике классицистов. Рациональная нормативность классицистических произведений потребовала строгой кодификации лексических средств, и в том числе ономастической лексики. Примечательно, что М. В. Ломоносов, совместивший в своем подходе к литературе позиции теоретика и практика, видел в именах собственных один из мощных тексто- и стилеобразующих факторов [см. об этом: Кондратьева, 1967]. Впрочем, гораздо чаще к именам обращались в связи с определенной интерпретацией тех или иных персонажей. Имя при этом не выделялось из художественной и языковой ткани всего произведения в качестве самостоятельной смысловой сущности и отдельного объекта исследования, а воспринималось как атрибут персонажа или даже целого литературного направления и привлекалось только в связи с их анализом. Поэтому на протяжении XVIII–XIX вв. мы почти не находим более или менее развернутых рассуждений о статусе и функциях литературного имени: в сферу интересов лингвистики литературные онимы не попадают, а исследователи литературы и литературные критики ограничиваются отдельными краткими замечаниями, иногда, впрочем, достаточно точными и интересными. Скажем, В. Г. Белинский в ряде своих критических разборов и рецензий² обращается к проблеме соответствия художественного антропонимикона антропонимикону реальному, к вопросу о допустимой степени окказиональности литературного имени, о потенциале онома в интертекстуальных отношениях при маркировании им определенной литературной традиции и т. д. Все эти замечания, однако, не развернуты, поскольку автора интересуют совершенно другие вопросы, а ономастический материал привлекается им по ходу дела для аргументации декларируемых взглядов на рецензируемое произведение. Приведу лишь один показательный пример.

Рассматривая образ Печорина и сравнивая героя с Онегиным, критик замечает: «Несходство их между собою гораздо меньше расстояния между Онегою и Печорою.

² См., например, «Ничто о ничем, или Отчет г. Издателю “Телескопа” за последнее полугодие (1835) русской литературы», «О русской повести и повестях Гоголя», «Сочинения Александра Пушкина» и др.

Иногда в самом имени, которое истинный поэт дает своему герою, есть разумная необходимость, хотя, может быть, и не видимая самим поэтом...» [Белинский, 1954, 265]. Если развернуть это вскользь брошенное замечание, в терминах современной литературной ономастики мысль критика можно интерпретировать следующим образом: имя лермонтовского героя определяет его относительно пушкинского персонажа, и, следовательно, онимы *Онегин* и *Печорин* являются коррелирующими знаками; они создают в читательской проекции лермонтовского романа интертекстуальную ономастическую оппозицию, выражая перекличку образов; образы при этом оказываются в отношениях объекта читательской рефлексии и фона для этой рефлексии, а внутренняя форма фамилий выступает в качестве знака, манифестирующего концептуально важный компонент содержательной структуры произведения через сближение означаемых данных имен. Белинский, впрочем, не настаивает на обязательном наличии рационально осознанной авторской установки такого сближения имен и номинируемых ими персонажей. По его мнению, интуитивный характер создания ономастической номинативной единицы не препятствует закономерному осознанию интертекстуальной переклички со стороны читателя. Проницательное суждение критика имеет, однако, мимолетный характер, так как в центре его внимания не лингвистические или семиотические механизмы выражения определенного художественного содержания, а само это художественное содержание и его отношение к внешней реальности.

Таким образом, литературный ономастикон оказывался вне компетенции основных филологических дисциплин, поскольку ни лингвистика, ни литературоведение не видели в нем своего объекта.

Первые работы, посвященные непосредственно собственным именам, появляются в начале XX в. Их заслуга состоит в том, что они впервые поставили в центр научного поиска имя, переведя его из разряда удобных и всегда имеющих под рукой иллюстраций или аргументов в категорию объектов, имеющих полноценное право на исследовательский интерес. Впрочем, работы эти весьма немногочисленны и, как правило, невелики по объему. Упомяну для примера небольшие статьи В. И. Чернышева [1908] и Л. В. Васильева [1909] и особенно статью А. Г. Горнфельда [1912], содержащую некоторые интересные размышления о фамилии *Халтупкина* у Л. Н. Толстого.

Как уже было сказано, большой вклад в постепенное формирование литературной ономастики внесли представители формальной школы. Хотя ономастика никогда не была для них главным и непосредственным объектом исследования, обращение к собственным именам носило в их разысканиях достаточно регулярный характер. Ю. Н. Тынянов, Б. М. Эйхенбаум, В. В. Виноградов, исследуя произведения А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского и других русских писателей, на конкретном материале формулируют ряд положений, оказавших заметное влияние на последующее развитие данной дисциплины [см.: Тынянов, 1921, 21; 1929, 416, 419–424, 428–430 и др.; Эйхенбаум, 1919, 153–156; Виноградов, 1929, 339–340 и т. д.]. Так, Ю. Н. Тыняновым была высказана глубокая идея о принципиальной мотивированности литературного онима художественным образом, следствием чего является характеризующий потенциал имени; в произведении, по его мнению, нет и не может быть «неговорящих» имен, всякое имя в каком-либо отношении характеризует образ и потому представляет собой средство достижения художественной выразительности [см.: Тынянов, 1929, 27].

Принятие и усвоение идеи художественной ценности литературного имени потребовало изучения собственных имен как в лингвистическом (в качестве языкового и

стилистического феномена), так и в литературоведческом (в качестве компонента литературного произведения) аспекте. Поэтому понятно обращение к собственным именам лингвистов и литературоведов 1930–1940-х гг. На фоне этого интереса появляется (хотя и за пределами России) первая крупная статья о литературной антропонимии у Ф. М. Достоевского [см.: Бем, 1933]. В. В. Виноградов в фундаментальном труде о стиле Пушкина рассматривает некоторые собственные имена, использованные писателем в своих произведениях, в стилистическом аспекте [см.: Виноградов, 1941]. Практические исследования позволяют ему несколько позже выдвинуть в качестве одной из важнейших и перспективных для науки о русском литературном языке задач изучение истории имен и фамилий персонажей русской литературы XVIII–XIX вв. [см.: Виноградов, 1946, 238]. Несомненно, этому интересу со стороны лингвистов к именам в произведениях художественной литературы немало способствовали и достижения исторической ономастики по изучению становления русского антропонимикона³.

Не менее активно со своих позиций анализировали собственные имена и литературоведы. Например, сразу несколько авторов юбилейного сборника статей, выпущенного к 150-летию со дня рождения А. С. Грибоедова, рассматривая его комедию «Горе от ума» в различных аспектах, прибегают к ономастическим наблюдениям [см.: Штейн, 1946, 28; Анциферов, 1946, 174 и др.]. В том же году опубликована большая статья Ю. Н. Тынянова в другом посвященном творчеству Грибоедова сборнике, в которой исследователем на основании сближения фамилий главного героя пьесы и исторически реального П. Я. Чаадаева предлагаются параллели между литературным и историческим персонажами [см.: Тынянов, 1946]. Известный историк языка П. Я. Черных публикует в 1948 г. небольшую заметку об антропонимии грибоедовской комедии, где историко-лингвистический и литературоведческий подходы во многом сливаются [см.: Черных, 1948].

Естественно, антропонимия не одного А. С. Грибоедова привлекала внимание специалистов-филологов в этот период⁴. И все же буквально считанные работы посвящены в 1940-е гг. непосредственно литературным собственным именам; по большей части они по-прежнему рассматриваются как интересный, но вспомогательный материал.

Безусловно, определяющими для возникновения русской литературной ономастики стали 1950-е гг., точнее, их вторая половина. Именно тогда происходит всплеск интереса к литературным именам и, как следствие, резкое увеличение количества научной продукции. Так, среди библиографических материалов по русской литературной ономастике, которые имеются в нашем распоряжении, только три статьи относятся к первой половине 50-х гг. [см.: Каценеленбоген, 1950; Привалова, 1952; Михайлов, 1954], тогда как, судя по тем же материалам, работ, относящихся ко второй половине 50-х гг., насчитывается уже девятнадцать. Однако гораздо важнее те качественные изменения, которые происходят в подходе исследователей к изучаемому объекту. Утверждается

³ Так, в 1948 г. появляется классическая работа А. М. Селищева «Происхождение русских фамилий, личных имен и отчеств», опубликованная В. Г. Чичаговым уже после смерти автора.

⁴ См., например, работу В. Филиппова, где определенное место уделено поэтике собственных имен в пьесах А. Н. Островского [Филиппов, 1946, 122–131]. В том же году опубликована книга Г. А. Гуковского, в которой автор неоднократно в ходе рассуждений обращается к анализу собственных имен у ряда русских и зарубежных писателей [см.: Гуковский, 1946].

представление о самостоятельной ценности имени собственного как объекта филологического анализа. Это не значит, разумеется, что литературные онимы перестали привлекаться в качестве иллюстративного лингвистического или литературоведческого материала. Такого рода работы, конечно, продолжают появляться [см., например: Бушмин, 1959, 391–395; Янко-Триницкая, 1957], но все больше становится таких, которые посвящены специальному рассмотрению литературных антропонимов. Начинается этап накопления данных и эмпирического освоения разрозненного фактического материала.

Естественно, что внимание исследователей прежде всего привлекли произведения русской классики XIX в., прочно вошедшие в культурный фонд и лучше всего изученные в филологическом отношении. При этом для анализа обычно выбиралась ономастика писателей, употреблявших литературные имена с яркой внутренней формой или очевидным социальным колоритом, которые сразу бросались в глаза и облегчали распознавание характеризующих функций этих имен. Так, среди упомянутых двадцати двух публикаций, вышедших в 1950-е гг., пять работ было посвящено ономастике Некрасова, по четыре – Салтыкова-Щедрина и Чехова (в основном, раннего), три – Гоголя; остальным писателям (Л. Толстому, Достоевскому, Н. Успенскому, Слепцову, Решетникову) посвящены единичные работы. В то же время начинается разработка более общих вопросов поэтики собственного имени и основных теоретических понятий, необходимых для этого. Следует упомянуть в связи с этим статьи М. И. Приваловой [1952] и М. И. Черемисиной [1958], а также работу Р. П. Шагинян и Э. Б. Магазаника [1958], где исследование ведется на материале произведений ряда авторов. В 1956 г. защищается первая кандидатская диссертация по литературной ономастике, обобщившая накопленные сведения об антропонимии художественного текста и знаменовавшая собой новую стадию изучения собственных имен в художественном тексте [см.: Михайлов, 1956]. По всей видимости, вторую половину 1950-х – начало 1960-х гг. и следует считать датой рождения новой научной дисциплины. Именно в это время окончательно утверждается мнение о самостоятельности ее объекта, эмпирическим путем ищутся методы исследования, накапливается материал, начинает определяться круг задач, вырабатываются основы терминологии. Таким образом, на настоящий момент современной русской литературной ономастике не более 50 лет.

С начала 1960-х гг. началось активное развитие новой науки. Темпы этого развития можно проследить по неуклонному и достаточно быстрому увеличению количества научных публикаций, посвященных самым разным вопросам литературной ономастики.

В составленном нами библиографическом списке, отнюдь не претендующем на исчерпывающую полноту, содержится в общей сложности около 850 названий работ по данной проблематике, которые отражают движение русской литературной ономастики от ее истоков к современному состоянию. Из них шестидесятью годами датируется 48 работ (более 5 % общей численности), семидесятью – 116 работ (более 13 %), в восьмидесятые годы вышло 229 работ (около 27 %), а в девяностые и в первые годы нового тысячелетия появилось 434 публикации (более 51 %). На остальные работы, вышедшие до 60-х гг. прошлого века, приходится менее 3 % общего числа публикаций. В грубом приближении можно считать, что после возникновения данной дисциплины количество новых исследований по литературной ономастике с каждым десятилетием удваивается. Особенно впечатляет рост количества опубликованных работ в 1990-е гг., ставшие трудным периодом для российской науки. После распада СССР в ближнем зарубежье оказались сильнейшие ономастические школы, бывшие

центрами развития литературной ономастики в Советском Союзе. Так, в 1960–1980-е гг. собственные имена активно изучались филологами Самаркандского и Ташкентского университетов в Узбекистане, среди которых специалистам по ономастике, пожалуй, наиболее известны имена С. И. Зинина и Э. Б. Магазаника.

На Украине вокруг Ю. А. Карпенко, В. Н. Михайлова и Е. С. Отина возникли целые научные направления, во многом определившие пути развития литературной ономастики. После получения республикой независимости в их деятельности произошли определенные изменения, и в центре внимания украинских ономастов закономерно оказалась родная литература, хотя и к русской словесности интерес в этих школах вовсе не был утрачен. Сейчас украинская литературная ономастика активно развивается, ставя и решая проблемы, во многом схожие с теми, которые стоят перед российскими ономастами. В этих условиях контакты между нашими учеными могли бы быть весьма плодотворными, но приходится констатировать их довольно эпизодичный характер. Очень мало поступает с Украины в Россию и из России на Украину новой литературы по данной тематике, что, несомненно, мешает эффективному сотрудничеству в развитии новой дисциплины.

Таким образом, в приведенных библиографических данных по литературной ономастике 1990-х гг., к сожалению, недостаточно полно отражены работы исследователей из стран ближнего зарубежья. В то же время этот факт делает особенно наглядным высокий темп развития литературной ономастики в России. Даже по количественным параметрам следует сделать вывод об устойчивом росте интереса ученых к функционированию собственных имен в художественных текстах, начавшемся со второй половины 1950-х гг. и продолжающемся по настоящее время. Впрочем, чтобы этот вывод не показался излишне субъективным, его можно проверить на материале других библиографических изданий. Как известно, в 1976 и 1978 гг. были изданы библиографические указатели, включающие обширный список работ по самым различным разделам ономастики, опубликованных в России [см.: Ономастика, 1976; 1978]. Первый из них охватывает восемь лет и содержит 2 509 названий. Вторым охватывает пять лет и содержит 2 006 названий работ (а также 792 работы в приложении, относящиеся к периоду с 1918 по 1962 гг., что составило в сумме 2 798 работ). Работ по литературной ономастике (в основном, по антропонимам в художественном тексте) насчитывается в общей сложности 69 на страницах первого указателя (примерно 2,7 % общего количества) и 104 – на страницах второго (без учета 12 работ, приведенных в приложении, это составляет приблизительно 5,2 %). Таким образом, за первое пятилетие 1970-х гг. новых публикаций по литературной ономастике появилось на 50 % больше, чем за восемь предыдущих лет, что, во-первых, несомненно, говорит о высоких темпах развития литературной ономастики в данный период, а во-вторых, вполне соответствует тем количественным параметрам роста, которые были определены выше. Литературная ономастика бурно развивается, и это объективно установленный факт.

Сейчас накоплен значительный материал как по общим вопросам литературной ономастики (специфика литературных онимов, их функции в художественном тексте, взаимодействие с другими единицами текста и тропами, приемы и способы выражения именами разнообразных смыслов и т. д.), так и по конкретным авторам и произведениям. Конечно, как всегда бывает при развитии молодой научной отрасли, собранный и изученный материал представлен очень неравномерно: одним проблемам, писателям, произведениям уделяется значительно больше внимания, чем другим. Встречаются ла-

куны, заполнение которых – дело будущего. Это хорошо видно при сопоставлении количества работ по авторам одного хронологического периода: к примеру, если по ономастике А. С. Пушкина в библиографии, собранной нами, имеется 57 работ, то по ономастике М. Ю. Лермонтова – всего 7, а по антропонимам у А. С. Грибоедова – 9. Немало работ по собственным именам в произведениях Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, М. Горького, тогда как проза И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, И. А. Гончарова, И. А. Бунина, А. И. Куприна изучена в этом отношении гораздо хуже. Произведения современных авторов вообще крайне редко привлекают внимание исследователей литературной ономики, хотя перспективность их изучения в ономастическом аспекте вряд ли у кого-то из лингвистов, занимающихся литературной ономастикой, вызывает сомнения.

Неравномерно изучены разряды литературных онимов: основная масса работ посвящена изучению антропонимии, намного меньше работ по литературным топонимам, а исследования по другим разрядам ономастической лексики (зоонимам, астронимам, хрематонимам и т. д.) буквально единичны⁵. Этот факт, несомненно, объясняется количественным преобладанием и функциональным превалированием антропонимии в художественном тексте, что, в свою очередь, находит объяснение в принципиальной антропоцентричности художественного текста. Следует признать, что изучение литературной антропонимии – это магистральное направление в современной литературной ономастике.

Наличие определенных лагун в материале, безусловно, требует их заполнения, но главная перспектива ближайшего времени, на наш взгляд, связана все же с другим. Накопленный фактический материал и эмпирические наблюдения многих исследователей, рассыпанные по многочисленным публикациям, обуславливают потребность литературной ономастики в теоретической концепции, которая могла бы послужить основой дальнейшей научной деятельности⁶. Современная литературная ономастика находится на той стадии, когда особенно плодотворно обобщение полученных результатов, выявление в описанных фактах общих закономерностей и определение приоритетных, наиболее перспективных направлений их изучения. Такая работа не может быть осуществлена в рамках статьи или даже ряда статей; для достижения этой цели необходимо обращение к жанру монографии, жанру, нужно признать, достаточно редкому в современной русской литературной ономастике. Действительно, к настоящему моменту на русском языке опубликовано не более десятка книг по данной дисциплине, весьма различающихся между собой объемом, подходом к объекту исследования, методиками анализа и поставленными целями. Это разнообразие закономерно: оно отражает реально существующие расхождения между исследователями в понимании предмета литературной ономастики и ее места в филологической парадигме.

⁵ Показательно, что из 69 работ по литературной ономастике, указанных в библиографическом указателе за 1963–1970 гг., 61 посвящена антропонимам, 6 – топонимам и 1 – зоонимам; из 116 работ в указателе за 1971–1975 гг. и приложении к нему антропонимы рассматриваются в 93, топонимы – в 14, зоонимы – в 1, а 8 работ, собранных под рубрикой «поэтическая ономика», выполнены в основном на антропонимическом материале.

⁶ Эта потребность ощущается и украинскими исследователями литературной ономастики [см., например: Калинкин, 1999, 18–20].

Можно констатировать, что среди опубликованных по указанной теме монографий явно преобладают работы лингвистического характера. Осознание того, что собственное имя является лингвистической единицей, функционирующей в специфическом контексте и выполняющей специфические художественные задачи, объединяет большинство данных исследований. Пожалуй, только книга М. С. Альтмана демонстрирует чисто литературоведческий подход к объекту – ономастике Ф. М. Достоевского [см.: Альтман, 1975]. Остальные авторы при рассмотрении ономастической лексики так или иначе обращаются к понятиям и идеям современной лингвистики. Это характерно и для двух работ В. Н. Михайлова [1965; 1981], выросших из практических потребностей преподавания соответствующей лингвистической спецдисциплины в рамках вузовской программы, и для работы Э. Б. Магазаника [1978], делающей упор на изучении художественных свойств собственных имен и их потенциала в области поэтики, и для книги О. И. Фояковой [1990], попытавшейся ввести литературную ономастику в круг смежных лингвистических дисциплин, прояснить их взаимоотношения и показать разнообразие конкретных методов исследования литературной ономики. Все перечисленные труды выполнены на обширном материале разных авторов и произведений русской литературы. В этом отношении от них отличается книга Г. А. Силаевой [1986], где автор делает объектом своего изучения ономастику одного писателя.

Очень продуктивным для литературной ономастики оказался рубеж тысячелетий, когда появилось сразу три крупных монографии, отразивших напряженный поиск этой наукой новых путей развития. Вместе с тем они показали и многоаспектность современной русской литературной ономастики, разнообразие ее интересов и различное понимание ею своих задач. Предметом исследования А. Б. Пеньковского, например, стал литературный оним *Нина*, который позволил автору в результате лингвокультурологического и герменевтического анализа употребления этого имени в ряде произведений русской литературы сделать весьма интересные выводы о его концептуальном наполнении [см.: Пеньковский, 1999]. Исследованию положения ономастической системы в языке и отражению ее свойств в художественной речи посвящена монография В. И. Супруна [2000]. Наконец, определенный итог изучению поэтики собственных имен в литературе на настоящий момент подводится в книге украинского ученого В. М. Калинкина [1999]. Обращает на себя внимание очевидная закономерность в появлении крупных монографических работ по литературной ономастике: чаще всего они выходят в конце десятилетия или в начале следующего, когда возникает потребность в обобщении накопленных научных данных. Так, книги Э. Б. Магазаника и В. Н. Михайлова суммировали результаты, полученные ономастами 1970-х гг., книга О. И. Фояковой отразила достижения ученых 1980-х гг., а монографии А. Б. Пеньковского, В. И. Супруна и В. М. Калинкина вобрали в себя новые идеи, развивавшиеся учеными в 90-х гг. прошлого века. Все это также свидетельствует о поступательном движении литературной ономастики, постепенно занимающей достойное место в кругу других филологических дисциплин.

Перспективы дальнейшего развития литературной ономастики, как и любой молодой научной отрасли, связаны с потребностями ее самопознания. Необходимо на основе имеющихся теоретических и практических достижений четко определить ее предмет, задачи, место в современной лингвистической и общепилологической научной парадигме и внутреннюю структуру новой науки. С самого начала к изучению имени собственного вообще и литературного онима в частности обращались специалисты очень разных научных областей и интересов. Естественно, что задачи, которые они пытались

разрешить, и подходы к объекту исследования в их работах сильно различались. В настоящий момент общая картина, отражающая процесс становления новой науки, характеризуется чрезвычайной пестротой.

С известной долей условности можно, пожалуй, говорить о четырех линиях в изучении литературной онимии. Первая может быть названа «философской», так как имя здесь рассматривается в его отношении к другим философским категориям и традиционной философской проблематике. К этому направлению принадлежат работы С. Н. Булгакова, А. Ф. Лосева, А. А. Флоренского и некоторые другие. Вторая линия («логическая») представлена работами специалистов по логике естественного языка, обратившихся к анализу имен собственных [см., например: Руденко, 1988; 1990; Руденко, Сватко, 1993]. В этих работах оним рассматривается в контексте теории референции и в парадигме логических категорий. Третья линия представлена работами традиционной литературоведческой, а четвертая – лингвистической направленности. Степень близости между двумя последними гораздо больше, поскольку они имеют дело с проблематикой смежных наук и, вдобавок, при изучении очень специфичного и многоаспектного по своей природе явления – языковой единицы в литературно-художественной коммуникации.

Из четырех названных направлений наиболее перспективным для литературной ономастики представляется последнее, так как именно в его рамках, на наш взгляд, наиболее полно и объективно могут быть учтены и рассмотрены факторы, влияющие на возникновение и интерпретацию художественного текста. Желательно лишь, чтобы лингвист, исследующий литературные онимы, не ограничивался констатацией тех или иных особенностей языкового «материала» произведения, а обращался бы к анализу смыслообразования на образном и концептуальном уровнях, т. е. стремился бы к решению герменевтических задач. Это в полной мере соответствует повороту современной лингвистики от изучения статической языковой системы к исследованию «языка в его действии». Появившиеся в результате такого поворота новые лингвистические дисциплины – когнитивная лингвистика, теория дискурса, теория интертекста и др., а также активно развивающиеся лингвистика текста и поэтика, – это те науки, с которыми литературная ономастика может сегодня эффективно взаимодействовать при решении своих задач.

Вполне определено, однако, нужно сказать, что без учета опыта и других путей в исследовании литературного имени развитие новой науки вряд ли будет успешным. Особенно это касается работ с литературоведческой доминантой. По сути, лингвисты и литературоведы часто идут разными дорогами к общей филологической цели – интерпретации текста. Работы всех направлений обогащают литературную ономастику свежими идеями и концепциями, позволяя взглянуть на ее предмет под новым углом зрения. Можно сослаться, к примеру, на теорию референции, логическую по своей сущности, которая может быть применена и при анализе литературной онимии. Вообще, нам представляется, что с излишней строгостью и однозначностью очерченные границы данной научной отрасли только препятствовали бы развитию литературной ономастики и упрощали реальную сложность ее генезиса, ограничивая возможности дальнейших исследований.

Включение литературной ономастики в лингвистическую парадигму предполагает решение ряда внутринаучных задач. Сейчас ею испытывается насущная потребность в формировании собственной методологической базы и инвентаризации терминологического аппарата. Тщательному анализу, в частности, должно быть подвергнуто цент-

ральное понятие литературной ономастики – понятие литературного онима (или поэто-онима, как его еще называют) с точки зрения его языковой природы и статуса в тексте, а также внутритекстовых и интертекстуальных связей. В этом отношении может оказаться полезным обращение к теории номинации, изучающей номинативные средства и механизмы текстопорождения. И здесь хочется подчеркнуть эффективность широкого комплексного подхода к материалу исследования: к сфере компетенции литературной ономастики, по нашему мнению, должны быть отнесены не только факты употребления имен собственных в художественном тексте, но и случаи импликации литературных онимов, художественно мотивированного отказа от их употребления (своеобразный «нуль-прием»), и закономерности взаимодействия с ономастической номинацией номинации апеллятивной и местоименной, и т. д.

Даже этот, отнюдь не претендующий на какую-либо полноту перечень задач и проблем, встающих перед новой наукой, наглядно свидетельствует о перспективах ее развития.

-
- Альтман М. С.* Достоевский: по векам имен. Саратов, 1975.
- Анциферов Н.* Грибоедовская Москва // А. С. Грибоедов, 1795–1829. М., 1946. С. 150–183.
- Белинский В. Г.* Герой нашего времени: Сочинение М. Лермонтова // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 4. М., 1954. С. 193–270.
- Бем А.* Личные имена у Достоевского // Сборник в честь профессора Л. Милетич за семидесятилетие от рождения (1863–1933). София, 1933. С. 409–434.
- Бушмин А. С.* Сатира Салтыкова-Щедрина. М.; Л., 1959. С. 391–395.
- Васильев Л. В. (Васильев Л.).* Что значит фамилия Тентетников? // Русский филологический вестник. Т. 61, № 2. Варшава, 1909. С. 223–226.
- Виноградов В. В.* Эволюция русского натурализма: Гоголь и Достоевский. М., 1929.
- Виноградов В. В.* Стиль Пушкина. М., 1941.
- Виноградов В. В.* О задачах истории русского литературного языка, преимущественно XVII–XIX вв. // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. М., 1946. Т. 5, вып. 3. С. 223–238.
- Гораций.* Собр. соч. Л., 1993.
- Горнфельд А. Г.* Об одной фамилии у Льва Толстого // Горнфельд А. Г. О русских писателях. Т. 1. СПб., 1912. С. 255–261.
- Гуковский Г. А.* Очерки по истории русского реализма. Ч. 1. Пушкин и русские романтики. Саратов, 1946.
- Калинкин В. М.* Поэтика онима. Донецк, 1999.
- Каценеленбоген М. Г.* Функции собственных имен в сказках М. Е. Салтыкова-Щедрина // Русский язык в школе. 1950. № 1. С. 8–15.
- Кондратьева Т. Н. М. В.* Ломоносов о собственных именах как стилистическом средстве // Очерки по истории русского языка и литературы XVIII века. Вып. 1. Казань, 1967. С. 97–115.
- Магазаник Э. Б.* Ономапозтика, или «Говорящие имена» в литературе. Ташкент, 1978.
- Михайлов В. Н.* Роль собственных имен в произведениях Н. В. Гоголя // Русский язык в школе. 1954. № 2. С. 40–48.
- Михайлов В. Н.* Собственные имена персонажей русской художественной литературы XVIII и первой половины XIX вв., их функции и словообразование. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1956.
- Михайлов В. Н.* Собственные имена как стилистическая категория в русской литературе. Луцк, 1965.
- Михайлов В. Н.* Лингвистический анализ ономастической лексики в художественной речи. Симферополь, 1981.

- Ономастика: Указатель литературы, изданной в СССР с 1963 по 1970 год. М., 1976.
- Ономастика: Указатель литературы, изданной в СССР в 1971–1975 гг. с приложением за 1918–1962 гг. М., 1978.
- Пеньковский А. Б.* Нина: Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. М., 1999.
- Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988.
- Привалова М. И.* Функции личных имен и фамилий в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина // Уч. зап. Ленинград. ун-та. Сер. филол. наук. 1952. № 161, вып. 18. С. 129–148.
- Руденко Д. И.* Собственные имена в контексте современных теорий референции // Вопр. языкознания. 1988. № 3. С. 55–68.
- Руденко Д. И.* Имя в парадигмах философии языка. Харьков, 1990. С. 217–251.
- Руденко Д. И., Сватко Ю. Н.* Философия имени: в поисках новых пространств. Харьков, 1993.
- Силаева Г. А.* Антропонимия художественных произведений Л. Н. Толстого. Рязань, 1986.
- Супрун В. И.* Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград, 2000.
- Тынянов Ю. Н.* Достоевский и Гоголь: к теории пародии // Сборники по теории поэтического языка. Вып. 4, ч. 5. Пг., 1921.
- Тынянов Ю. Н.* Архаисты и новаторы. Л., 1929.
- Тынянов Ю. Н.* Сюжет «Горя от ума» // Литературное наследство. Т. 47–48. М., 1946. С. 148–188.
- Филиппов В.* Язык персонажей Островского // А. Н. Островский-драматург: К 60-летию со дня смерти, 1886–1946. М., 1946. С. 78–131.
- Фонякова О. И.* Имя собственное в художественном тексте. Л., 1990.
- Черемисина М. И.* К вопросу о функциях личных имен в очерках М. Е. Салтыкова-Щедрина «За рубежом» // Уч. зап. Тул. пед. ин-та. Т. 11. Тула, 1958. С. 45–65.
- Черных П. Я.* Заметка о фамилиях в «Горе от ума» // Докл. и сообщ. филол. ф-та Моск. ун-та. Вып. 6. М., 1948. С. 46–49.
- Чернышев В. И.* Имена действующих лиц в сказках Пушкина о царе Салтане, о Золотом Петушке, о Мертвой Царевне (Салтан, Гвидон, Дадон, Чернавка) // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. 6. СПб., 1908. С. 128–132.
- Шагинян Р. П., Магазаник Э. Б.* Экспрессия собственных имен в русской художественной литературе // Тр. Узбек. ун-та. Сер. Новая. Вып. 93. Самарканд, 1958. С. 103–126.
- Штейн А.* Национальное своеобразие «Горя от ума» // А. С. Грибоедов, 1795–1829. М., 1946. С. 7–38.
- Эйхенбаум Б. М.* Как сделана «Шинель» Гоголя // Поэтика: Сб. по теории поэтического языка. Пг., 1919. С. 151–165.
- Янко-Триницкая Н. А.* О некоторых особенностях имен собственных // Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та. Т. 42. М., 1957. С. 235–250.

* * *

Анатолий Аркадьевич Фомин – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург).